

КОНЦЕПТ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ВОЗМОЖНОСТИ

С.В. Максимов^{1, 2}, Ю.Г. Васин¹

¹ Институт проблем развития науки Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

² Федеральная антимонопольная служба, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

9 июня 2020 г.

Дата принятия в печать

19 августа 2020 г.

Дата онлайн-размещения

31 августа 2020 г.

Ключевые слова

Организованная преступность; уголовная политика; инновационная модель; концепт; цифровизация; математическое моделирование; организованная группа; преступное сообщество (преступная организация); профилактика

Аннотация. Интенсивная цифровизация всех социальных процессов (в том числе криминогенных) потребовала от современных государств такой степени оперативности, эффективности, экономичности и обоснованности принимаемых решений, которая не может быть обеспечена на основе господствующей модели государственной политики борьбы с преступностью. Этот новый цивилизационный вызов имеет особую остроту применительно к проблеме противодействия организованной преступности.

В статье сделан вывод о наступлении кризиса современной модели уголовной политики в отношении организованной преступности, основной идеей которой было постоянное усиление мер ответственности за организованную преступную деятельность. Признаком этого кризиса стало недавнее дополнение ст. 210 УК РФ нормой, которая существенно ограничивает уголовное преследование владельцев, участников, бенефициаров и руководителей юридических лиц (или их подразделений) за организацию преступного сообщества и участие в нем, если соответствующие юридические лица не были изначально созданы для совершения тяжких или особо тяжких преступлений. Той же нормой ограничено уголовное преследование указанных категорий физических лиц, если последние не обладали достоверным знанием о преступных целях создания таких юридических лиц.

Авторы полагают, что на кризис действующей модели борьбы с организованной преступностью указывает и отсутствие значимой корреляционной связи между изменениями уголовного законодательства об ответственности за организованную преступную деятельность в течение последних 24 лет и изменениями интенсивности практики его применения. Данный вывод, по мнению авторов, позволяет заключить, что цели, которые ставил перед собой законодатель, стремясь повысить эффективность борьбы с организованной преступностью, вероятно, не были достигнуты.

Среди основных причин малопродуктивного реагирования законодателя и правоприменителя на усиление активности организованной преступности, включая ее влияние на общее состояние правопорядка и экономическую безопасность государства, авторы называют избирательное *post factum* реагирование на рост конкретных проявлений организованной преступности, которое основано на интуитивном методе проб и ошибок.

Для формирования концепта инновационной модели воздействия на организованную преступность авторы предлагают использовать идеи: математического моделирования планируемых изменений уголовного и иного взаимосвязанного законодательства и их влияния как на систему правовых норм изменяемого акта, так и на систему правовых норм в целом, правоприменительную практику и криминальную активность; реагирования государства на всю массу конкретных поводов для возбуждения уголовных дел об организованной преступной деятельности с помощью автоматизированных систем сбора, обработки, оценки информации, составления прогнозов изменения интенсивности организованного криминального поведения; обязательного выявления причин и условий совершения конкретных организованных преступных посягательств и принятия мер по их устранению.

THE CONCEPT OF AN INNOVATIVE MODEL OF COMBATING ORGANIZED CRIME: BACKGROUND AND OPPORTUNITIES

Sergey V. Maksimov^{1, 2}, Yury G. Vasin¹

¹ Institute for the Study of Science of the Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation

² Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2020 June 9

Abstract. An intensive digitization of all social processes (including criminogenic ones) demanded such a degree of rapidity, effectiveness, efficiency and relevance for the decisions taken by modern states that could not be provided using the

Accepted
2020 August 19
Available online
2020 August 31

Keywords

Organized crime; criminal policy; innovation model; concept; digitalization; mathematical modeling; organized group; criminal community (criminal organization); prevention

dominant model of state policy for combating crime. This new civilizational challenge is especially evident for the problem of counteracting organized crime.

The authors conclude that the contemporary model of criminal policy against organized crime, whose main idea is a constant strengthening of liability for organized criminal activities, is undergoing a crisis. An indicator of this crisis is a recent amendment of Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation by a norm that considerably limits criminal prosecution of owners, participants, beneficiaries and managers of judicial persons (or their divisions) for organizing a criminal group or participating in it if the corresponding judicial persons were not originally created with the purpose of committing grave or very grave crimes. The same norm limits criminal prosecution of the above-mentioned categories of physical persons if the latter did not possess direct knowledge of the criminal purposes for which such judicial persons were created.

The authors believe that the crisis of the current model of combating organized crime is also proven by a lack of any significant correlation between the changes in the criminal legislation on liability for organized criminal activities during the last 24 years and changes in the intensity of the practice of its enforcement. This conclusion, according to the authors, makes it possible to infer that goals that the lawmakers set while trying to improve the effectiveness of combating organized crime were probably not achieved.

The authors claim that the key causes of the unproductive reaction of lawmakers and law enforcers to the growing activities of organized crime, including its influence on the general state of law and order and the economic security of the state, include a selective *post factum* reaction to the growth of specific manifestations of organized crimes based on the intuitive trial and error approach.

The authors suggest using the following ideas for the concept of an innovative model of influencing organized crime: it is necessary to use mathematical modeling of the planned amendments to criminal or other connected legislation and their influence both on the system of legal norms of the amended act and the system of legal norms as a whole, on the practice of law enforcement and criminal activity; the state should react to all the specific reasons for the initiation of criminal cases on organized criminal activities using automated systems of collecting, processing and evaluating information, making predictions of the changes in the intensity of organized criminal behavior; the causes and conditions of specific organized criminal infringements should be revealed and measures should be taken to eliminate them.

После некоторого перерыва [1; 2] в отечественной криминологии стал возрождаться интерес к изучению преступности методами точных наук [3], что нельзя отнести исключительно к последствиям ускоренной цифровизации общественной жизни, прежде всего экономики [4]. При этом следует обратить внимание на то, что отечественные исследования сорокалетней давности по глубине подхода и уровню математизации не уступали работам западных коллег [5–10]. В значительной степени возобновление этого интереса обусловлено тем, что различные модификации «реактивной» модели воздействия государства на преступность, которые были апробированы после возврата России к капитализму как базису своего экономического развития, не дали ожидаемого эффекта, т.е. не привели к установлению такого контроля над преступностью, который бы гарантировал удовлетворенность и государства, и большинства его граждан состоянием правопорядка.

Так, по результатам телефонного опроса 16,8 тыс. граждан в 75 субъектах Российской Федерации, проведенного в марте — мае 2018 г.

Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 18 % респондентов заявили, что в течение последних пяти лет они становились жертвами преступлений (треть респондентов сочла, что подвергалась преступным посягательствам неоднократно). При этом менее половины (48 %) тех, кто считает себя потерпевшими от преступлений, сообщили об этом в правоохранительные органы [11].

Экстраполяция приведенных данных на все население России позволяет предположить, что жертвами преступлений могут считать себя около 26,3 млн чел., в то время как, по данным официальной уголовной статистики, в 2018 г. были признаны потерпевшими от преступлений 1,34 млн чел.¹, т.е. примерно в 20 раз меньше. Даже если допустить, что половина опрошенных искренне заблуждалась или осознанно преувеличивала причиненный им вред, то и в этом случае латентная часть такого вреда будет многократно превышать официальную ста-

¹ Преступность по данным Росстата // Статистика и показатели. URL: <https://rosinfostat.ru/prestupnost/#i-4>.

тистическую оценку. Следует также учитывать, что нет никаких разумных оснований полагать, что латентная часть вреда, который причиняет государству и юридическим лицам преступность, пропорционально меньше. Этот эффект айсберга, характеризующийся соотношением выявленной и латентной частей преступности, учтенных и неучтенных ее последствий, вероятно, должен оказывать огромное влияние на уголовную политику, определение ее оптимальной модели с учетом имеющихся ресурсов.

В действительности этого не происходит по многим причинам. Наиболее значимой из них, возможно, является то обстоятельство, что отсутствие государственного реагирования на большую часть реальной преступности не ведет к быстрому (по историческим меркам) разрушению правопорядка и деградации государства. И в начале эры, и сегодня существенная часть преступлений не получает правовой оценки и большинство преступников не несут уголовных наказаний. Лишь во время войн, эпидемий и глубоких экономических кризисов этот фактор почти явным образом участвует в мгновенном разрушении привычного уклада и государственного устройства.

Тем не менее среди множества видов преступности, которые представляют огромную опасность для правопорядка в любом государстве, нельзя не выделить организованную преступность, латентность которой (по вполне понятным и хорошо изученным причинам) по меньшей мере на порядок [12] превосходит латентность преступности в целом. Из этого, как это ни парадоксально, следует, что в наименьшей степени государство контролирует то, что угрожает ему более всего. Речь, разумеется, идет не столько об организованной антигосударственной деятельности (организация захвата государственной власти, мятежа), которая не часто носит массовый характер, сколько об организованной коррупции властных институтов и экономической преступности (прежде всего об организованном хищении бюджетных средств), способных медленно, но неуклонно разрушать государство и правопорядок.

В этой связи задачу создания инструмента, который бы позволял государству адекватно оценивать исходящую от организованной преступности угрозу и строить на этой основе оптимальную (в нравственном, экономическом и правовом отношениях) модель борьбы с ней, следует считать ключевой в сфере обеспечения

не только правопорядка, но и национальной безопасности. Этот вывод находит подтверждение в действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (п. 47)².

Нельзя также забывать о том, что организованная преступность постоянно изыскивает новые пути уклонения от государственного контроля или его преодоления, возможности оказывать решающее влияние на экономическую политику, а также расширяет спектр форм преступного воздействия на экономические отношения [13–15], что требует не просто адекватной, а упреждающей реакции со стороны государства [16].

Ускорение (благодаря цифровизации) всех социальных процессов (в том числе криминальных) требует от государств такой степени оперативности, эффективности, экономичности и обоснованности принимаемых решений, которая не может быть обеспечена на основе господствующей модели формирования и реализации государственной политики борьбы с преступностью (тем более с ее организованными формами). Для решения этой задачи нужна не просто формально новая модель, под которой обычно понимается перераспределение типичных функций правоохранительных органов и судов и усовершенствование действующего законодательства уголовно-правового блока, а качественно новая модель воздействия на преступность, базирующаяся на инновационной идее (концепте), предполагающей новые цели, методологию и формы такого воздействия.

Основой концепта инновационной модели воздействия на организованную преступность, на наш взгляд, должно стать не только изменение существующего механизма нормотворчества, построенного на интуитивной оценке влияния проектируемых норм на криминальную действительность, но и переход к полному организационно, программно-технически и аналитически обеспеченному реагированию государства на *всю массу поводов для возбуждения соответствующих уголовных дел* (прежде всего на повод в виде получения сообщения о совершенном или готовящемся преступлении из иных источников — п. 3 ч. 1 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, ч. 2. Ст. 212.

На сегодня обязательность уголовного преследования (в том числе с учетом особенностей поводов для возбуждения уголовных дел частного-публичного обвинения — ч. 3 ст. 20 УПК РФ) и сам момент его возникновения остаются предметом научных дискуссий. На практике эта обязательность государственного реагирования не обеспечивается. Первым признаком растущей проблемы стало исчезновение из открытого доступа информации о числе зарегистрированных сообщений о преступлениях. Причины того, что в последнее десятилетие на 10–12 млн ежегодно регистрируемых сообщений о преступлениях приходится немногим более 2 млн зарегистрированных преступлений и около 7 млн так называемых отказных материалов, на наш взгляд, не могут быть устранены лишь посредством упразднения стадии возбуждения уголовного дела, как это предлагает, в частности, профессор Б.Я. Гаврилов [17].

Кроме того, необходимо решить взаимосвязанные задачи обязательного выявления причин и условий, способствовавших совершению преступлений в составе организованных групп, и принятия мер по их устранению. К сожалению, их эффективному решению препятствует не только то, что действующий УПК РФ ограничивает активность дознавателей, следователей и судей по сути необязательным выявлением и устранением «обстоятельств, способствовавших совершению преступления» (ч. 4 ст. 29, ст. 73), но и то, что законодательство не предусматривает ответственности за уклонение от устранения таких обстоятельств (ст. 19.6 КоАП РФ устанавливает ответственность за непринятие мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению лишь административных правонарушений).

Решение этих задач требует качественно нового для системы борьбы с преступностью подхода (хотя и достаточно хорошо разработанного в теории, а также апробированного в отдельных элементах на практике), предусматривающего:

– создание теоретической (логической) модели самой преступности, ее основных факторов, а также существующей системы мер воздействия (включая законотворчество, законодательство, правоприменение, совокупность субъектов борьбы с преступностью, в том числе неспециализированных);

– разработку на ее основе эмпирической математической модели;

– апробирование и верификацию эмпирической математической модели на отдельном виде преступности.

На наш взгляд, приоритетной разработке и апробации подлежит инновационная модель борьбы именно с организованной преступностью [18], и не только потому, что это наиболее опасный для стабильного правопорядка и устойчивого экономического развития нашей страны вид преступности, но и потому, что достижение успеха в борьбе с этим видом преступности, несомненно, будет иметь синергетический эффект.

К сожалению, описание полной теоретической (логической) модели борьбы с организованной преступностью из-за ее многосложности не может быть осуществлено в рамках отдельной статьи [19]. В этой связи мы рассмотрим лишь основные аспекты уголовно-правового элемента такой модели.

Между применением уголовного закона и формированием уголовной политики существуют многочисленные (как явные, так и неявные) прямые и обратные связи [20]. Степень их взаимодействия не может быть определена однозначно, хотя именно результаты правоприменения представляют собой наиболее содержательный материал для изменения (дополнения) положений не только уголовного законодательства, но и всей уголовной политики. Определим основные моменты, характеризующие уголовно-правовое обеспечение противодействия организованной преступности в новейшей российской истории применительно к следующим способам уголовно-правового воздействия:

1. Установление уголовной ответственности за деятельность (совокупность действий и бездействия) по организации, руководству и участию в совместном совершении *любых преступлений* двумя и более лицами на устойчивой основе (организованная группа), включая все формы осознанного участия в такой деятельности в качестве организатора, руководителя, исполнителя (соисполнителя), подстрекателя, пособника (*общая криминализация организованной преступной активности*). Общая криминализация организованной преступной деятельности осуществляется путем закрепления в качестве квалифицирующего или особо квалифицирующего признака отдельных составов преступлений совершения последних организованной группой.

2. Установление повышенной уголовной ответственности за деятельность по организации, руководству и участию в совместном совершении наиболее опасных преступлений в составе организованных групп, обладающих более сложной структурой, большей устойчивостью (сплоченностью) или иными специальными признаками (преступное сообщество, преступная организация, банда, незаконное вооруженное формирование, террористическое сообщество, террористическая организация, экстремистское сообщество, экстремистская организация, некоммерческая организация, посягающая на личность и права граждан) (*специальная криминализация организованной преступной активности*)³.

Отметим, что такая форма соучастия, как «совершение преступления организованной группой», на протяжении более 25 лет рассматривается российским законодателем в качестве типичной формы соучастия в совершении нескольких десятков видов преступлений, посягающих почти на все базовые социальные ценности.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) нормы об ответственности за совершение преступления в составе организованной группы или отдельные их элементы закреплены как в Общей, так и в Особенной частях.

Частями 3 и 4 ст. 35 УК РФ определены общие признаки соучастия в преступлении применительно к его совершению в составе организованной группы и, соответственно, преступного сообщества (преступной организации).

Закрепленная в ч. 3 ст. 35 УК РФ дефиниция организованной группы как формы соучастия в преступлении практически не отличается от той, которая впервые использована законодателем в ст. 17.1, которой УК РСФСР был дополнен в 1994 г.⁴ Этой новелле предшествовала возобладавшая в теории уголовного права точка зрения, согласно которой конститутивным признаком организованной группы, отличающим ее от предварительно сговорившейся группы, выступает признак ее устойчивости [21, с. 297–298].

³ Данные способы уголовно-правового воздействия на организованную преступность входят в число основных, но не исчерпывают их. Помимо названных, следует выделять также декриминализацию, пенализацию и депенализацию соответствующих деяний, дифференциацию и дедифференциацию ответственности за них.

⁴ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : федер. закон от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 10. Ст. 1109.

Высшая судебная инстанция по уголовным делам длительное время не решалась дать недвусмысленное определение понятия устойчивости как признака организованной группы. Согласно п. 4 первоначальной редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности» от 25 апреля 1995 г. № 5, устойчивость организованной группы косвенно раскрывалась с помощью признаков высокого уровня организованности, планирования, тщательной подготовки преступления, распределения ролей между соучастниками⁵.

Даже после вступления в силу 1 января 1997 г. УК РФ высшая судебная инстанция по уголовным делам продолжала придерживаться прежней позиции (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1⁶) вплоть до принятия 10 февраля 2000 г. постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взятничестве и коммерческом подкупе» № 6, в п. 13 которого устойчивость организованной группы раскрывалась не только через признаки более высокой степени организованности, распределения ролей, но и через наличие организатора и руководителя⁷. Последний из числа перечисленных признаков был впервые предложен в качестве основного признака устойчивости организованной группы Л.Д. Гаухманом и С.В. Максимовым в 1997 г. [22].

В последующие годы этот подход, ориентированный на реальные возможности правоприменения по выявлению и доказыванию признаков организованной группы, был распространен на ряд иных составов преступлений и привел к формированию устойчивой правоприменительной практики по делам о преступлениях, институтивным или квалифицирующим признаком составов которых является совершение преступления организованной группой [23].

С криминалистической определенностью признаков преступного сообщества (преступной организации) ситуация несколько иная. Соответствующие признаки законодатель многократно и существенно изменял. Проследим основные черты этих изменений и попытаемся оценить их

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 7.

⁶ Там же. 1990. № 3.

⁷ Там же. 2000. № 4.

влияние на эффективность правоприменения в рассматриваемой области.

С момента вступления УК РФ в силу в ч. 4 ст. 35 данного кодекса было определено, что «преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено сплоченной организованной группой (организацией), созданной для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединением организованных групп, созданным в тех же целях». Следует подчеркнуть, что понятия «преступное сообщество» и «преступная организация» в уголовном законе до сих пор используются как синонимы, хотя в теории данные формы могут различаться по структуре и принципам построения [24].

Уголовная ответственность за рассматриваемую двуединую (с точки зрения законодателя) форму организованного преступного соучастия была установлена ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации)», в ч. 1 которой был сформулирован первый основной состав преступления, охватывавший «создание преступного сообщества (преступной организации) для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, а равно руководство таким сообществом (организацией) или входящими в него структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки планов и условий для совершения тяжких или особо тяжких преступлений». В ч. 2 данной статьи был криминализован второй основной состав того же преступления в форме участия «в преступном сообществе (преступной организации) либо в объединении организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп», а ч. 3 была предусмотрена повышенная ответственность за совершение указанных выше деяний с использованием своего служебного положения. Деяния, предусмотренные ч. 1 и 3, были отнесены законодателем к особо тяжким преступлениям, а ч. 2 — к тяжким.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ⁸ рассматриваемая статья была дополнена примечанием, в котором была определена сумма условий освобождения от ответственности за участие в преступном сообществе (преступной

⁸ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

организации): а) добровольность прекращения участия; б) активное содействие раскрытию или пресечению этого преступления; в) отсутствие в действиях иного состава преступления.

В санкциях норм всех частей ст. 210 дополнительное наказание в виде конфискации имущества было заменено штрафом (до 1 млн р. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового — в ч. 1 и 3, а в ч. 2 — до 500 тыс. р. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового).

В целях упорядочения нестабильной правоприменительной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 210 УК РФ, Пленум Верховного Суда РФ был вынужден принять в 2008 г. специальное постановление, в котором была предпринята попытка раскрыть понятие сплоченности преступного сообщества (преступной организации) через следующие признаки:

- «наличие у руководителей (организаторов) и участников этого сообщества (организации) единого умысла на совершение тяжких и особо тяжких преступлений»;
- осознание «ими общих целей функционирования такого преступного сообщества и своей принадлежности к нему»;
- сочетание в различной совокупности признаков в виде наличия «организационно-управленческих структур, общей материально-финансовой базы, образованной в том числе из взносов от преступной и иной деятельности, иерархии, дисциплины, установленных ими правил взаимоотношения и поведения участников преступного сообщества»;
- наличие особой структуры сообщества (например, руководитель, совет руководителей, исполнители отдельных заданий);
- наличие «руководящего состава»;
- наличие распределения «функций между его участниками»;
- наличие планирования «преступной деятельности на длительный период»;
- использование подкупа и других коррупционных действий, направленных на нейтрализацию представителей правоохранительных и иных государственных органов⁹.

⁹ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2008 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда. 2008. № 8.

К сожалению, данное постановление не смогло решить проблему недостаточной определенности понятия «сплоченность» как ключевого признака преступного сообщества, позволяющего его отграничивать от других организованных преступных формирований, прежде всего потому, что перечисленный выше набор признаков был определен не как обязательный в совокупности (что в принципе соответствует конституционному статусу Верховного Суда РФ, который имеет право давать лишь разъяснения по вопросам судебной практики, но не подменять законодателя — ст. 126 Конституции РФ).

Новые изменения в ст. 35 и 210 УК РФ были внесены федеральным законом от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ¹⁰. В частности, было изменено определение понятия преступного сообщества (преступной организации) путем выделения таких его (ее) относительно самостоятельных форм, как: 1) структурированная организованная группа; 2) объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений. Одновременно цель создания преступного сообщества (преступной организации) законодателем была ограничена целью «получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды». Таким образом, оценочный признак «сплоченность» был заменен другими, впрочем, также оценочными (т.е. определяемыми самим правоприменителем в каждом конкретном случае квалификации) признаками.

В ч. 5 ст. 35 УК РФ законодатель конкретизировал пределы ответственности организатора (руководителя) организованной группы и преступного сообщества (преступной организации) применительно к четырем видам преступлений (организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем — ст. 208 УК РФ, бандитизм — ст. 209 УК РФ, организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) — ст. 210 УК РФ и организация экстремистского сообщества — ст. 282.1 УК РФ), указав, что в случаях совершения соответствующей организованной группой или преступным сообществом (преступной

организацией) иных преступлений он несет ответственность за все эти преступления, если они охватывались его умыслом. Аналогичным образом были конкретизированы более узкие пределы ответственности иных участников соответствующих организованных преступных формирований.

Указанным законом также были ограничены возможности применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ) и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ) к лицам, совершившим преступление, предусмотренное ст. 210 УК РФ.

Соответствующие изменения были внесены также в наименование и ч. 1 ст. 210 УК РФ. При этом круг альтернативных форм, в которых осуществляется деятельность преступного сообщества (преступной организации), был дополнен: 1) координацией действий организованных групп; 2) созданием устойчивых связей между ними; 3) разделом сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами.

Одновременно ст. 210 УК РФ была дополнена новой частью — 4, которая предусматривала повышенную ответственность за действия, перечисленные в ее ч. 1, в случае их совершения «лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии». Отсутствие в УК РФ (с учетом требований его ст. 1) определений понятий «высшее положение» и «преступная иерархия» означает, что они относятся к категории оценочных. Соответственно, применение данной нормы осуществляется в условиях широкой свободы усмотрения правоприменителя с вытекающими из этого негативными последствиями для достижения целей уголовной политики в отношении организованной преступности, на которые был ориентирован законодатель.

Данная законодательная новелла была введена в расчете на действие неформальных норм преступной среды и рациональный выбор лиц, занимающих «высшее положение в преступной иерархии», между уголовным наказанием и наказанием со стороны преступного сообщества. Расчет на то, что такое лицо выберет отказ от статуса в преступной среде, на наш взгляд, ошибочен, поскольку в отличие от уголовного наказания наказание со стороны криминалитета за предательство практически неотвратимо и, как правило, суровее. Этот факт можно считать доказанным в ходе криминальных войн 1950-х и 1990-х гг. в нашей стране.

¹⁰ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 3 нояб. 2009 г. № 245-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 45. Ст. 5263.

Спустя месяц (27 декабря 2009 г.) санкции норм ч. 1–3 ст. 210 УК РФ были дополнены обязательным дополнительным наказанием в виде ограничения свободы¹¹, основное назначение которого рассматривалось в сохранении в течение определенного времени контроля над поведением участников преступных сообществ после отбытия лишения свободы (в том числе с целью получения дополнительной информации об их контактах).

Принятое вслед за законодательными новеллами 2009 г. новое постановление Пленума Верховного Суда РФ 2010 г., отменившее упомянутое выше постановление того же органа от 10 июня 2008 г., к сожалению, также не смогло решить проблему оценочного характера ключевых признаков преступного сообщества (преступной организации)¹² по тем же причинам, что и отмененное постановление.

Федеральным законом от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ¹³ круг деяний, отнесенных к сфере организованной преступности (ч. 5 ст. 35 УК РФ), был расширен за счет криминализации организации террористического сообщества и участия в нем (ст. 205.4 УК РФ). Одновременно в отношении лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 205.4 и 210 УК РФ, были ограничены возможности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (п. «г» ч. 3 ст. 79 УК РФ). Сообразно изменениям законодательства корректировались разъяснения высшей судебной инстанции.

Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ¹⁴ были внесены некоторые существен-

ные изменения в ст. 210 УК РФ (исключена ссылка на совместность совершения преступления, для совершения которого было создано преступное сообщество, а такая форма функционирования преступного сообщества (преступной организации), как «координация преступных действий», была заменена более корректной с точки зрения обоснованности уголовного преследования формой «координация действий организованных групп» и приобрела статус альтернативной, а не обязательной дополнительной (что могло вытекать из буквального толкования прежней редакции ст. 210 УК РФ)). Кроме того, максимальный размер дополнительного наказания за создание преступного сообщества в виде штрафа был увеличен с 1 до 5 млн р. Сходные решения были реализованы и применительно к иным составам преступления, ответственность за которые предусмотрена в ч. 1.1–3 ст. 210 УК РФ.

Как показывает анализ, изменение содержания и соотношения форм объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК РФ, было в значительной степени обусловлено тем, что указанная статья была дополнена новой частью — 1.1, предусматрившей ответственность за третий основной состав рассматриваемого преступления — «участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных частью первой» — для лиц, не являющихся участниками преступного сообщества (преступной организации) или входящих в него (нее) организованных групп.

При этом рассматриваемая новелла *не решила* проблему квалификации как преступления действий в виде участия в таких собраниях, как «воровские сходки», на которых не обсуждаются вопросы совершения конкретных тяжких или особо тяжких преступлений, а разрешаются споры (например, о справедливости раздела сфер влияния), определяются основные темы — наиболее доходные сферы и товары, статус конкретных лиц в преступной иерархии и т.п.

Конститутивный признак объективной стороны второго основного состава преступления, ответственность за который предусмотрена ч. 2 ст. 210 УК РФ, остался неизменным — «участие

2019 г. № 46-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 14, ч. 1. Ст. 1459.

¹¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы : федер. закон от 27 дек. 2009 г. № 377-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 52, ч. 1. Ст. 6453.

¹² О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней) : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

¹³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 2 нояб. 2013 г. № 302-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 44. Ст. 5641.

¹⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности : федер. закон от 1 апр.

в преступном сообществе (преступной организации)». Квалифицированный признак всех перечисленных выше основных составов преступлений также остался неизменным — «использование служебного положения».

Действие ч. 4 ст. 210 УК РФ предсказуемо было также распространено и на новую часть 1.1, поскольку последняя, очевидно, была введена прежде всего в целях общей превенции криминальной активности лиц, занимающих «высшее положение в преступной иерархии». Этой же цели служит включение в число дополнительных наказаний для указанной категории лиц штрафа (как необязательного) и ограничения свободы (как обязательного).

Единственный квалифицирующий признак основных составов преступлений, предусмотренных ч. 1 и 1.1 ст. 210 УК РФ, который закреплен в ч. 4 той же статьи, — совершение указанных деяний «лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии».

Рассматриваемым законом также были внесены изменения и в примечание к ст. 210 УК РФ. Хотя число условий освобождения от ответственности за участие в преступном сообществе (преступной организации) и входящих в него (нее) организованных группах осталось, в сущности, прежним, их суммарное (совокупное) наличие было заменено альтернативным:

– добровольное прекращение участия (руководства или создания) в преступном сообществе (преступной организации) или входящем в него (нее) структурном подразделении и активное содействие раскрытию или пресечению деятельности преступного сообщества (преступной организации) или входящего в него (нее) структурного подразделения и (или) раскрытию и (или) пресечению преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией) или входящим в него (нее) структурным подразделением;

– добровольное сообщение в органы власти о готовящемся собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп и аналогичное указанному выше активное содействие раскрытию или пресечению деятельности тех же криминальных структур.

Тем же законом УК РФ был дополнен новой статьей (ст. 210.1) — об ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии (максимальное наказание — лишение свободы

сроком на 15 лет со штрафом в 5 млн р. и ограничением свободы сроком на два года) без раскрытия признаков данного деяния.

В этой связи нельзя не обратить внимания на то, что, хотя эта новелла не содержит прямого ответа на вопрос об ответственности лиц, участвовавших в присвоении лицу соответствующего статуса (так называемой коронации), но не занимавших на этот момент того же «высшего положения в преступной иерархии», определение понятия которого отсутствует в законе, такая ответственность, по-видимому, может наступать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1.1 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ. Данный вопрос, на наш взгляд, должен быть разрешен путем внесения соответствующего дополнения в ранее упомянутое постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12.

Последнее на момент завершения работы над настоящей статьей изменение в ст. 210 УК РФ было внесено федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 73-ФЗ¹⁵, которым примечание к указанной статье было дополнено новым пунктом (п. 1) по сути революционного характера.

Новеллой предусмотрено новое законодательное толкование понятия преступного сообщества (преступной организации), их структурных подразделений и входящих в их состав организованных групп, суть которого сводится к следующему. Не могут быть признаны созданием или руководством преступным сообществом (преступной организацией), а равно любыми иными действиями (бездействием), подлежащими квалификации по ст. 210 УК РФ, действия учредителей, участников, руководителей, членов органов управления и работников организации, зарегистрированной в качестве юридического лица, а равно действия руководителей и работников ее структурного подразделения, хотя и содержащие признаки каких-либо преступлений (в том числе тяжких или особо тяжких), при совокупности следующих условий:

– совершение соответствующих действий (бездействия) только в силу организационно-штатной структуры организации и осуществления своих полномочий;

¹⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 1 апр. 2020 г. № 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 14, ч. 1. Ст. 2003.

– соответствующее юридическое лицо или его структурное подразделение не были заведомо созданы для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений.

Тем самым законодатель резко ограничил пределы применения ст. 210 УК РФ, поскольку исключил из числа лиц, подлежащих ответственности по ней, всех тех, кто владеет и управляет юридическими лицами, а также их подразделениями и использует их для совершения преступлений, но которые не были изначально созданы для совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, а также тех, кто не имел о последнем достоверного, а не предположительного знания.

В соответствии с содержательными аспектами теоретического моделирования отметим, что при криминализации деяний должна быть обеспечена возможность проведения процедуры квалификации деяния в соответствии с установленными признаками состава преступления. Следует учитывать, что вновь закрепленные в статьях УК РФ признаки элементов состава преступления выявляются, документируются и оцениваются по правилам, определяемым УПК РФ. Если такая возможность затруднена, то даже при однозначном определении указанных признаков в УК РФ они не могут сами по себе обеспечить единообразие правоприменения.

Также следует обратить внимание на то, что размеры наказания в виде лишения свободы за преступление, предусмотренное ст. 210 УК РФ, периодически увеличивались. На момент принятия УК РФ по ч. 1 его ст. 210 минимальный и максимальный пределы наказания в виде лишения свободы составляли 7 и 15 лет соответственно, по ч. 2 (участие) — 3 года и 10 лет, по ч. 3 (с использованием служебного положения) — 10 и 20 лет.

В 2009 г. средний размер установленного законодателем наказания в виде лишения свободы увеличился. По ч. 1 (создание и руководство) минимальный и максимальный размеры наказания составили 12 и 20 лет, по ч. 2 — 5 и 10 лет, по ч. 3 — 15 и 20 лет. Кроме того, по новой части 4, установившей повышенную ответственность для лиц, занимающих «высшее положение в преступной иерархии», было введено пожизненное лишение свободы.

Спустя десять лет минимальный размер наказания в виде лишения свободы по ч. 2 вновь был увеличен. Кроме того, за криминализован-

ное «участие в сходке» (ч. 1.1 ст. 210 УК РФ) минимальное наказание составило 12 лет лишения свободы, а максимальное — 20 лет; по ч. 2 — 7 и 10 лет соответственно, по ч. 3 (с использованием служебного положения) размеры наказания в виде лишения свободы были оставлены в пределах от 15 до 20 лет, по ч. 4 (для лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии) — от 15 до 20 лет или пожизненное лишение свободы.

Установив за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) минимальный срок наказания в виде лишения свободы, равный 8 годам, а максимальный — 15 годам, законодатель одновременно приравнял данное преступление по *неприменимости* назначения наказания ниже низшего предела, установленного законом (ч. 3 ст. 64 УК РФ), и условного осуждения (п. «а.1» ч. 1 ст. 73 УК РФ) к преступлениям террористического характера. Тот же подход был использован и для решения вопросов частичного или полного сложения сроков лишения свободы (ч. 5 ст. 56 УК РФ). При назначении наказаний по совокупности преступлений применительно к ч. 4 ст. 210 УК РФ или ст. 210.1 УК РФ было разрешено применять максимальный срок лишения свободы в 30 лет, а по совокупности приговоров — 35 лет.

При этом ст. 210.1 УК РФ не была внесена в перечень статей, предусмотренный п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, по которым, в частности, допускается также конфискация «денег, ценностей и иного имущества, в которые имущество, полученное в результате совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями, указанными в пункте «а» настоящей части, и доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы» (п. «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ).

Оценивая интенсивность изменения уголовной политики в отношении организованной преступной деятельности, следует учитывать, что она определяется не только частотой внесения изменений в ст. 35 и 210 УК РФ и иные нормы, предусматривающие ответственность за совершение преступления в составе организованной группы или специального организованного преступного формирования, но и частотой изменений, вносимых в УК РФ в целом (прежде всего в части, непосредственно затрагивающей ответственность за все тяжкие и особо тяжкие преступления).

За неполных 24 года (по состоянию на 3 июня 2020 г.) УК РФ был изменен 252 федеральными законами (т.е. поправки в уголовный закон вносились почти ежемесячно, и интенсивность данного процесса в последние пять лет не снижается) (табл. 1).

Соответственно происходило увеличение количества статей Особенной части УК РФ с рассматриваемым квалифицирующим (особо квалифицирующим) признаком «совершенное организованной группой» (табл. 2).

Нельзя не обратить внимания, что на момент вступления действующего УК РФ в силу

наибольший удельный вес числа статей, предусматривающих повышенную ответственность за совершение преступления организованной группой, по отношению к общему числу статей главы был характерен для гл. 21 «Преступления против собственности» — 82 %; гл. 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» и 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» — по 50 %; гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» — 41 %. При этом доля таких статей среди всех статей Особенной части УК РФ составляла 28 %.

Таблица 1 / Table 1

Динамика принятия федеральных законов о внесении изменений в УК РФ в 1997–2020 гг.
Dynamics of adopting federal laws on amendments to the Criminal Code of the Russian Federation in 1997–2020

Год / Year	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Количество ФЗ / Number of federal laws	0	2	7	0	8	8	7	5	2	4	10	8
Год / Year	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020 (на 3 июня)
Количество ФЗ / Number of federal laws	13	22	12	14	22	25	15	14	16	19	13	6

Таблица 2 / Table 2

Доля статей Особенной части УК РФ, в которых использован квалифицирующий признак «совершенное организованной группой», на момент вступления УК РФ в силу (1 января 1997 г.)
Share of articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation that used the qualifying feature «committed by an organized group» at the moment when the CC of the RF came into force (January 1, 1997)

Глава Особенной части / Chapter of the Special Part	Общее количество статей / Total number of articles	Доля статей с признаком «совершенное организованной группой», % / Share of articles with the feature «committed by an organized group», %
Преступления против жизни и здоровья / Crimes against life and health	21	19,0
Преступления против свободы, чести и достоинства личности / Crimes against freedom, honor and dignity	5	40,0
Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности / Crimes against sexual invulnerability and sexual freedom of a person	5	40,0
Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина / Crimes against constitutional rights and freedoms of man and citizen	14	21,0
Преступления против семьи и несовершеннолетних / Crimes against the family and minors	8	12,5
Преступления против собственности / Crimes against property	11	82,0

Окончание табл. 2 / End of the table 2

Глава Особенной части / Chapter of the Special Part	Общее количество статей / Total number of articles	Доля статей с признаком «совершенное организованной группой», % / Share of articles with the feature «committed by an organized group», %
Преступления в сфере экономической деятельности / Crimes in the sphere of economic activities	32	41,0
Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях / Crimes against interests of service in commercial and other organizations	4	50,0
Преступления против общественной безопасности / Crimes against public safety	23	39,0
Преступления против здоровья населения и общественной нравственности / Crimes against the health of people and public morals	18	50,0
Экологические преступления / Environmental crimes	17	12,0
Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта / Crimes against traffic safety and operation of transport vehicles	9	0,0
Преступления в сфере компьютерной информации / Crimes in the sphere of computer information	3	33,0
Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства / Crimes against the basics of constitutional order and state security	10	20,0
Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления / Crimes against state power, interests of state and local authorities	9	22,0
Преступления против правосудия / Crimes against justice	23	9,0
Преступления против порядка управления / Crimes against public administration	14	21,0
Преступления против военной службы / Crimes against military duty	21	24,0
Преступления против мира и безопасности человечества / Crimes against peace and safety of humanity	8	0,0

Спустя почти четверть века эта характеристика существенно изменилась (табл. 3).

Во-первых, существенно увеличилась общая доля статей об ответственности за организованную преступную деятельность среди всех статей Особенной части УК РФ — с 28,0 до 36,7 % (что, в частности, указывает на то, что потенциал повышения уровня наказуемости деяний, совершенных организованной группой, который предусмотрен ч. 1 ст. 63 УК РФ, оказывался недостаточным или невостребованным правоприменителем по другим причинам).

Во-вторых, на этом фоне общее количество статей Особенной части увеличивалось (темп прироста +43,9 %) практически в 2 раза медленнее, чем количество статей с рассматриваемым

квалифицирующим (особо квалифицирующим) признаком (+90,1 %).

В разд. VII «Преступления против личности», VIII «Преступления в сфере экономики», IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» и X «Преступления против государственной власти» количество статей с данным квалифицирующим (особо квалифицирующим) признаком увеличилось в 2 раза.

В половине глав Особенной части УК РФ число рассматриваемых статей составляет большую часть от всех статей данной главы. В разд. VIII «Преступления в сфере экономики» такая ситуация во всех главах.

На основании изложенного следует сделать вывод, что для законодательного реагирования

Таблица 3 / Table 3

Доля статей Особенной части УК РФ, в которых использован квалифицирующий признак «совершенное организованной группой», на 3 июня 2020 г.**Share of articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation that used the qualifying feature «committed by an organized group» by June 3, 2020**

Глава Особенной части / Chapter of the Special Part	Общее количество статей / Total number of articles	Доля статей с признаком «совершенное организованной группой», % / Share of articles with the feature «committed by an organized group», %
Преступления против жизни и здоровья / Crimes against life and health	25	24,0
Преступления против свободы, чести и достоинства личности / Crimes against freedom, honor and dignity	6	67,0
Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности / Crimes against sexual invulnerability and sexual freedom of a person	5	80,0
Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина / Crimes against constitutional rights and freedoms of man and citizen	20	25,0
Преступления против семьи и несовершеннолетних / Crimes against the family and minors	9	11,0
Преступления против собственности / Crimes against property	17	82,0
Преступления в сфере экономической деятельности / Crimes in the sphere of economic activities	58	52,0
Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях / Crimes against interests of service in commercial and other organizations	7	57,0
Преступления против общественной безопасности / Crimes against public safety	42	33,0
Преступления против здоровья населения и общественной нравственности / Crimes against the health of people and public morals	35	60,0
Экологические преступления / Environmental crimes	18	28,0
Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта / Crimes against traffic safety and operation of transport vehicles	11	9,0
Преступления в сфере компьютерной информации / Crimes in the sphere of computer information	4	75,0
Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства / Crimes against the basics of constitutional order and state security	16	12,5
Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления / Crimes against state power, interests of state and local authorities	17	35,0
Преступления против правосудия / Crimes against justice	24	8,0
Преступления против порядка управления / Crimes against public administration	22	32,0
Преступления против военной службы / Crimes against military duty	21	24,0
Преступления против мира и безопасности человечества / Crimes against peace and safety of humanity	10	0,0

на деяния, совершенные организованной группой, в течение последних 24 лет характерны устойчивые тенденции криминализации и пенализации указанных преступных проявлений.

В этой связи целесообразно сопоставить законотворческую активность в соответствующей сфере с официальными результатами противодействия организованной преступности. В качестве количественных показателей борьбы с организованной преступностью предлагается использовать число (объем) зарегистрированных преступлений, совершенных как организованной группой, так и по ст. 210 УК РФ (табл. 4).

До 2012 г. тенденции законотворчества и правоприменения в сфере противодействия

организованной преступности соответствовали общим тенденциям уголовно-правового нормотворчества и правоприменения в сфере борьбы с преступностью в целом. Данный феномен, на наш взгляд, в значительной степени мог быть обусловлен высоким уровнем активности (до 2009 г.) специализированных подразделений МВД России по борьбе с организованной преступностью.

Начиная с 2013 г. тенденции противодействия организованной и общей преступности приобретают разновекторный характер.

Неоднократное скачкообразное изменение в этот период данных о зарегистрированной организованной преступности (более чем на 20 %

Таблица 4 / Table 4

Динамика числа зарегистрированных преступлений, совершенных организованной группой и по ст. 210 УК РФ, в 1997–2019 гг.*

Dynamics of the number of registered crimes committed by an organized group and crimes under Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation in 1997–2019

Год / Year	Зарегистрировано преступлений, совершенных организованной группой / Registered crimes committed by an organized group	Темп прироста, % / Growth rate, %	Зарегистрировано преступлений по ст. 210 УК РФ / Registered crimes under Art. 210 of the CC of the RF	Темп прироста, % / Growth rate, %
1997	28 497	–	48	–
1998	28 688	+0,7	84	+75,0
1999	32 858	+14,5	162	+92,9
2000	36 015	+9,6	170	+4,9
2001	33 452	–7,1	118	–30,6
2002	26 038	–22,2	123	+4,2
2003	25 671	–1,4	141	+14,6
2004	28 161	+9,7	224	+58,9
2005	28 611	+1,6	244	+8,9
2006	30 209	+5,6	255	+4,5
2007	34 814	+15,2	337	+32,2
2008	36 601	+5,1	325	–3,6
2009	31 643	–13,5	247	–24,0
2010	22 251	–29,7	172	–30,4
2011	17 691	–20,5	172	0,0
2012	18 016	+1,8	202	+17,4
2013	17 266	–4,2	251	+24,3
2014	13 759	–20,3	255	+1,6
2015	13 684	–0,5	284	+11,4
2016	12 581	–8,4	252	–11,6
2017	13 232	+5,2	198	–21,4
2018	15 628	+18,1	274	+38,4
2019	16 290	+4,2	269	–1,8
<i>Всего / Total</i>	561 656	–2,5 (среднегодовой)	4 807	+8,9 (среднегодовой)

* Составлена по: Состояние преступности в России. М., 1997–2003. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>.

за год) указывает не только на воздействие серьезных внешних факторов, но и на нецелесообразность использования «статистики скачков» в качестве базы для целей математического моделирования без предварительной группировки и преобразований (например, без оценки их стохастического характера).

Важно также отметить, что значимой корреляционной связи между изменениями уголовного законодательства об ответственности за организованную преступную деятельность и изменениями интенсивности практики его применения выявить не удалось.

С учетом обозначенных свойств и закономерностей рассматриваемых количественных показателей следует отметить, что традиционные методы количественного анализа (особенно в отношении редких событий) могут быть малоэффективными [25] при рассмотрении вопросов организации противодействия рассматриваемому виду преступности.

Выводы

1. Современная модель уголовной политики в отношении организованной преступности, ориентированная на постоянное усиление мер ответственности за организованную преступную деятельность, достигла состояния кризиса. Одним из признаков этого кризиса стало дополнение в апреле 2020 г. ст. 210 УК РФ нормой, существенно ограничившей применение данной статьи в отношении владельцев, участников, бенефициаров и руководителей юридических лиц (или их подразделений), которые не были изначально созданы для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, а также для тех из числа указанных физических лиц, кто не имел достоверного знания о преступных целях создания таких юридических лиц.

2. На кризис действующей модели борьбы с организованной преступностью косвенно указывает отсутствие значимой корреляционной связи между изменениями уголовного законодательства об ответственности за организованную преступную деятельность и изменениями интенсив-

ности практики его применения. Таким образом, цели, которые ставили перед собой, стремясь повысить эффективность борьбы с организованной преступностью, с высокой степенью вероятности до настоящего времени не достигались.

3. К числу причин недостаточно эффективного реагирования законодателя и правоприменителя на усиление активности организованной преступности, включая ее влияние на общее состояние правопорядка и экономическую безопасность государства, относится «лоскутное» *post factum* реагирование, основанное на методе проб и ошибок.

4. В основу концепта инновационной модели воздействия на организованную преступность, по мнению авторов, должны быть положены идеи: 1) предварительного теоретического и эмпирического математического моделирования планируемых изменений уголовного и иного взаимосвязанного законодательства и их влияния на систему правовых норм изменяемого акта, систему правовых норм в целом, правоприменительную практику и криминальную активность; 2) эффективного реагирования государства на всю массу поводов для возбуждения уголовных дел об организованной преступной деятельности с помощью автоматизированных систем сбора, обработки, оценки информации, составления прогнозов изменения интенсивности вида общественно опасного поведения; 3) обязательного выявления причин и условий совершения конкретных организованных преступных посягательств и принятия мер по их устранению.

Реализация этого концепта предполагает внесение ряда существенных изменений не только в Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и ряд взаимосвязанных нормативных правовых актов, но и в уголовно-процессуальное законодательство, посредством которых целесообразно апробировать новый концептуальный подход к изменению практики нормотворчества в сфере борьбы с организованной преступностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков М.Д. Региональное криминологическое прогнозирование. В 2 ч. Ч. 1 / М.Д. Волков, К.К. Горяинов, Л.В. Кондратюк. — Москва : ВНИИ МВД СССР, 1980. — 48 с.
2. Кондратюк Л.В. Криминологическое измерение / Л.В. Кондратюк, В.С. Овчинский ; под ред. К.К. Горяинова. — Москва : Норма, 2008. — 272 с.
3. Васин Ю.Г. Общая математическая модель «дорожной карты» борьбы с картелями / Ю.Г. Васин, Т.Ю. Рудая // Российское конкурентное право и экономика. — 2019. — № 3. — С. 36–41.
4. Артемьев И.Ю. Вызовы цифровой экономики и приоритеты новой конкурентной политики России / И.Ю. Артемьев // Право интеллектуальной собственности. — 2018. — № 3. — С. 14–16.

5. Блувштейн Ю.Д. Криминология и математика / Ю.Д. Блувштейн. — Москва : Юрид. лит., 1974. — 176 с.
6. Вицин С.Е. Моделирование в криминологии / С.Е. Вицин. — Москва : Изд-во Высш. шк. МВД СССР, 1973. — 104 с.
7. Гаврилов О.А. Математические методы и модели в социально-правовом исследовании / О.А. Гаврилов. — Москва : Наука, 1980. — 184 с.
8. Fox J.A. *Methods in Quantitative Criminology* / J.A. Fox. — New York : Academic Press, 1981. — 198 p.
9. Greenberg D.F. *Mathematical Criminology* / D.F. Greenberg. — New Brunswick : Rutgers Univ. Press, 1979. — 428 p.
10. Hagan J. *Quantitative Criminology: Innovations and Applications* / J. Hagan. — Beverly Hills : Sage, 1982. — 150 p.
11. Кнорре А. Преступность и виктимизация в России. Результаты всероссийского виктимизационного опроса / А. Кнорре, К. Титаев. — Санкт-Петербург : Ин-т проблем правоприменения, 2018. — 36 с.
12. Эминов В.Е. Организованная преступность и коррупция. Российские реалии и пути противодействия / В.Е. Эминов, С.В. Максимов. — Москва : Проспект, 2019. — 104 с.
13. Box M. The Asymmetric Effect of Bankruptcy Fraud in Sweden: A Long-Term Perspective / M. Box, K. Gratzner, X. Lin // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2019. — Vol. 35, iss. 2. — P. 287–312.
14. Campana P. Organized Crime in the United Kingdom: Illegal Governance of Markets and Communities / P. Campana, F. Varese // *The British Journal of Criminology*. — 2018. — Vol. 58, iss. 6. — P. 1381–1400.
15. Lord N.J. Other People's Dirty Money: Professional Intermediaries, Market Dynamics and the Finances of White-collar, Corporate and Organized Crimes / N.J. Lord, L.J. Campbell, K. Van Wingerde // *The British Journal of Criminology*. — 2019. — Vol. 59, iss. 5. — P. 1217–1236.
16. Mann M. New Public Management and the 'Business' of Policing Organised Crime in Australia / M. Mann // *Criminology & Criminal Justice*. — 2017. — № 17 (4). — P. 382–400.
17. Гаврилов Б.Я. О целесообразности упразднения стадии возбуждения уголовного дела / Б.Я. Гаврилов // *Новейшая уголовная политика: системные проблемы и пути их решения. 10-е Кудрявцевские чтения (14 декабря 2016 г.)* : сб. науч. тр. / под ред. С.В. Максимова. — Москва, 2017. — С. 31–48.
18. Васин Ю.Г. Борьба с организованной преступностью: опыт теоретического моделирования / Ю.Г. Васин ; под ред. С.В. Максимова. — Москва : Ин-т гос-ва и права РАН, 2015. — 290 с.
19. Leverso J. Gang Organization and Gang Identity: An Investigation of Enduring Gang Membership / J. Leverso, R.L. Matsueda // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2019. — Vol. 35, iss. 4. — P. 797–829.
20. Лесников Г.Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики) / Г.Ю. Лесников. — Москва : Закон и право, 2004. — 197 с.
21. Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1994. — 413 с.
22. Гаухман Л.Д. Ответственность за организацию преступного сообщества / Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов // *Законность*. — 1997. — № 2. — С. 12–18.
23. Васин Ю.Г. Организованная группа в уголовном законе: тенденции развития / Ю.Г. Васин // *Государство и право*. — 2015. — № 5. — С. 48–57.
24. Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. — Москва : Инфра-М, 1996. — 397 с.
25. Prieto Curiel R. Measuring the Distribution of Crime and Its Concentration / R. Prieto Curiel, S. Collignon Delmar, S.R. Bishop // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2018. — Vol. 34, iss. 3. — P. 775–803.

REFERENCES

1. Volkov M.D., Goryainov K.K., Kondratyuk L.V. *Regional'noe krimonologicheskoe prognozirovanie* [Regional Criminological Forecasting]. Moscow, All-Russian Research Institute of MIA of the USSR Publ., 1980. Pt. 1. 48 p.
2. Kondratyuk L.V., Ovchinskii V.S.; Goryainov K.K. (ed.). *Krimonologicheskoe izmerenie* [Criminological Dimension]. Moscow, Norma Publ., 2008. 272 p.
3. Vasin Yu.G., Rudaya T.Yu. General Mathematical Model of the Roadmap Fight against Cartels. *Rossiiskoe konkurentnoe pravo i ekonomika = Russian Competition Law and Economy*, 2019, no. 3, pp. 36–41. (In Russian).
4. Artemyev I.Yu. Challenges of the Digital Economy and Priorities of the New Competition Policy of Russia. *Pravo intellektual'noi sobstvennosti = Law of Intellectual Property*, 2018, no. 3, pp. 14–16. (In Russian).
5. Bluvshstein Yu.D. *Kriminologiya i matematika* [Criminology and Mathematics]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1974. 176 p.
6. Vitsin S.E. *Modelirovanie v krimonologii* [Modeling in Criminology]. Moscow, Higher School of MIA of the USSR Publ., 1973. 104 p.
7. Gavrilov O.A. *Matematicheskie metody i modeli v sotsial'no-pravovykh issledovaniyakh* [Mathematical Methods and Models in Socio-Legal Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 184 p.
8. Fox J.A. *Methods in Quantitative Criminology*. New York, Academic Press, 1981. 198 p.
9. Greenberg D.F. *Mathematical Criminology*. New Brunswick, Rutgers University Press, 1979. 428 p.
10. Hagan J. *Quantitative Criminology: Innovations and Applications*. Beverly Hills, Sage, 1982. 150 p.
11. Knorre A., Titaev K. *Prestupnost' i viktimizatsiya v Rossii. Rezul'taty vserossiiskogo viktimizatsionnogo oprosa* [Crime and Victimization in Russia. The Results of an All-Russian Victimization Survey]. Saint Petersburg, Institute for the Rule of Law Publ., 2018. 36 p.
12. Eminov V.E., Maksimov S.V. *Organizovannaya prestupnost' i korruptsiya. Rossiiskie realii i puti protivodeistviya* [Organized Crime and Corruption: Russian Realities and Ways Counteraction]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 104 p.
13. Box M., Gratzner K., Lin X. The Asymmetric Effect of Bankruptcy Fraud in Sweden: A Long-Term Perspective. *Journal of Quantitative Criminology*, 2019, vol. 35, iss. 2, pp. 287–312.

14. Campana P., Varese F. Organized Crime in the United Kingdom: Illegal Governance of Markets and Communities. *The British Journal of Criminology*, 2018, vol. 58, iss. 6, pp. 1381–1400.
15. Lord N.J., Campbell L.J., Van Wingerde K. Other People's Dirty Money: Professional Intermediaries, Market Dynamics and the Finances of White-collar, Corporate and Organized Crimes. *The British Journal of Criminology*, 2019, vol. 59, iss. 5, pp. 1217–1236.
16. Mann M. New Public Management and the 'Business' of Policing Organised Crime in Australia. *Criminology & Criminal Justice*, 2017, no. 17 (4), pp. 382–400.
17. Gavrilov B.Ya. On the necessity of abolishing the stage of initiating a criminal case. In Maksimov S.V. *Noveishaya ugovnaya politika: sistemnye problemy i puti ikh resheniya. 10-e Kudryavtsevskie chteniya (14 dekabrya 2016 g.)* [New Criminal Policy: Systemic Problems and Ways of Solving them. 10th Kudryavtsev's Readings (December 14, 2016)]. Moscow, 2017, pp. 31–48. (In Russian).
18. Vasin Yu.G.; Maksimov S.V. (ed.). *Bor'ba s organizovannoi prestupnost'yu: opyt teoreticheskogo modelirovaniya* [Contracting Organized Crime: the Experience of Theoretical Modeling]. Moscow, Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 290 p.
19. Leverso J., Matsueda R.L. Gang Organization and Gang Identity: An Investigation of Enduring Gang Membership. *Journal of Quantitative Criminology*, 2019, vol. 35, iss. 4, pp. 797–829.
20. Lesnikov G.Yu. *Ugolovnaya politika Rossiiskoi Federatsii (problemy teorii i praktiki)* [Criminal Policy of the Russian Federation (Problems of Theory and Practice)]. Moscow, Zakon i Pravo Publ., 2004. 197 p.
21. Kuznetsova N.F., Minkovskii G.M. (eds.). *Kriminologiya* [Criminology]. Lomonosov Moscow State University Publ., 1994. 413 p.
22. Gaukhman L., Maksimov S. Liability for Organizing a Criminal Group. *Zakonnost' = Legality*, 1997, no. 2, pp. 12–18. (In Russian).
23. Vasin Yu.G. Organized Group in the Criminal Law: Development Trends. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2015, no. 5, pp. 48–57. (In Russian).
24. Ovchinskii V.S., Eminov V.E., Yablokov N.P. (eds.). *Osnovy bor'by s organizovannoi prestupnost'yu* [Fundamentals of the Fight against Organized Crime]. Moscow, Infra-M Publ., 1996. 397 p.
25. Prieto Curiel R., Collignon Delmar S., Bishop S.R. Measuring the Distribution of Crime and Its Concentration. *Journal of Quantitative Criminology*, 2018, vol. 34, iss. 3, pp. 775–803.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Максимов Сергей Васильевич — главный научный сотрудник Института проблем развития науки Российской академии наук, помощник руководителя Федеральной антимонопольной службы, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: sergeymax2006@yandex.ru.

Васин Юрий Геннадьевич — ученый секретарь Института проблем развития науки РАН, кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: vasin65@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Максимов С.В. Концепт инновационной модели противодействия организованной преступности: предпосылки и возможности / С.В. Максимов, Ю.Г. Васин. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(4).553-569 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 4. — С. 553–569.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maksimov, Sergey V. — Chief Researcher, Institute for the Study of Science of the Russian Academy of Sciences, Advisor to the Head of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: sergeymax2006@yandex.ru.

Vasin, Yury G. — Scientific Secretary, Institute for the Study of Science of the Russian Academy of Sciences, Ph.D. in Law, Moscow, the Russian Federation; e-mail: vasin65@mail.ru.

FOR CITATION

Maksimov S.V., Vasin Yu.G. The concept of an innovative model of combating organized crime: background and opportunities. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 4, pp. 553–569. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(4).553-569. (In Russian).